

«Древнее житие» Владимира Святославича и сведения о взятии Корсуня: лингвистические заметки

Alessandro Maria Bruni

(Università Ca' Foscari Venezia, Italia)

Abstract This paper investigates the so-called 'Ancient Life' of Prince Vladimir of Kiev (c. 956-1015), a Medieval hagiographical compilation that survives in several East Slavic manuscripts from the XV-XVII centuries. The purpose of the article is to provide insights into the linguistic features of the narrative parts of the text that deal with the prince's capture of Cherson and the date of his baptism. The grammatical analysis brings fresh evidence in favour of an early origin of these sections (XI-XII cent.). Linguistic arguments can now be adduced to support the assumption that this tradition goes back to a stage in the development of the 'Chersonian' motif that is independent from that of the Primary Chronicle, which notoriously offers an alternative account of Vladimir's conversion and invasion of the Byzantine Crimea.

Keywords Christianization of Kievan Rus'. Vladimir's conquest of Cherson (Byzantine theme in Crimea). Manuscripts. Mediaeval hagiography and chronicles. Old Russian historical syntax and morphology.

«Древним житием» Владимира Святославича (*далее* – ДЖ) принято называть одну из трех частей знаменитой древнерусской компиляции, известной под названием *Память и похвала князю русскому Володимиру*¹ Иакова Мниха² (*далее* – ППВ) и дошедшей до нас в ряде рукописей XV-XVII вв.³ В данном литературном произведении, датировка которого колеблется между второй половиной XI⁴ и XII-

1 Данное определение восходит к: Соболевский 1888, 1-2. Издания ППВ: Макарий, митрополит 1849 и 1868; Срезневский В.И. 1893 и 1897; Серебрянский 1915; Бугославский 1925; Зимин 1963; Милютенко 1997 и 2008, 417-126. Издание одного ДЖ: Соболевский 1888, 15-17; Шахматов 2014, 178-84; 186-9.

2 См.: Карпов 2009, 543-5.

3 Список источников см. в: Шахматов 2014, 176-7, 338. Историю изучения в XIX-начале XX в. см.: Бугославский 1925; см. также: Милютенко 2008, 52-80.

4 Срезневский 1853; Никольский 1906; Бугославский 1925; Шахматов 2014, 175; Милютенко 1997 и 2008, 92.

XIII вв.,⁵ имеются два типологически разных пассажа, в которых упоминается взятие Корсуня.⁶

Первый из них обладает чисто агиографическим характером: в нем повествуется о том, как новокрещённый князь, обратившись с молитвой к Богу, захватывает византийский город в целях дальнейшего укрепления христианской веры на Руси. Одержав победу, он забирает мощи священномученика Климента Римского и иных святых, иконы, предметы церковной утвари, а также приводит на свою землю греческих попов для научения людей новой вере. С этим же намерением он вступает в брак с Анной – сестрой византийских императоров Константина и Василия.

1. *Первый пассаж о взятии Корсуня.*

[Текст i]

Оумысли же и на грѣч(ес)кый крадь Корсунь и сиче моляшеся князь Володимирь Богу: “Господи Боже Владыко всихъ, сего у тебе прошю: даси ми градъ, да прииму и да приведу люди крестьяны и попы на свою землю, и да научать люди закону крестьяньскому”. И послуша Богъ молитвы его; и прия градъ Корсунь, и взя съсуды церковныя, и иконы, и мощи святаго священномученика Климента и иныхъ святыхъ. И въ ты дни бѣаста цесаря два въ Цесариградѣ, Костянтинъ и Василѣи. И посла къ нимъ Володимирь, прося у нихъ сестры оженити ся, да ся бы болма на крестьяньский законъ направиль. И даста ему сестру свою, и дары многы присласта к ему, и мощи святыхъ даста ему.⁷

Второй пассаж лишен каких-либо агиографических оттенков: в нем просто уточняются временные рамки этого события. Согласно источнику, военный поход на Корсунь приходится на третий год после крещения Владимира. Ряд последующих в тексте сведений летописного происхождения позволяет озвучить эти даты (соответственно 987 и 989 гг.).

5 Соболевский 1888, 1-2, 7-12.

6 Вопрос о соотношении литературного предания с исторической действительностью здесь не рассматривается, так как он составляет отдельный предмет исследования и предполагает изучение разноязычных средневековых источников. На эту тему существует обширная литература, подробный обзор которой мы не можем здесь сделать. Ограничимся лишь ссылкой на новейшую попытку обобщения имеющихся в нашем распоряжении сведений и высказанных по этому вопросу мнений в: Роменский 2017.

7 Все цитаты из ДЖ воспроизводятся по изданию: Шахматов 2014, 181-3.

2. *Второй пассаж о взятии Корсуня.*

[Текст ii]

По святомъ же крещеньи пожи блаженни князь Володимиръ 28 лѣтъ. На другое лѣто по крещеньи къ порогомъ ходи, на третее Корсунъ городъ взя.

3. *Летописные сведения.*

[Текст iii]

И Богъ поможе ему, и сѣде въ Киевѣ на мѣстѣ отца своего Святъслава и деда своего Игоря. А Святъслава князя печенѣзѣ оубиша; а Ярополкъ сѣдѣше въ Киевѣ на мѣстѣ отца своего Святъслава; и Олегъ, идый съ вои у Вруча града, мость ся обломи съ вои, и оудавиша Олга въ гребли, а Ярополка убиша въ Киевѣ мужи Володимировѣ. И сѣде въ Киевѣ князь Володимиръ въ осмое лѣто по смерти отца своего Святъслава, мѣсяца июня в 11, въ лѣто 6486. Крести же ся князь Володимиръ въ десятое лѣто по оубьении брата своего Ярополка.

Как хорошо известно, версия, излагаемая автором ДЖ, существенно отличается от той, которая содержится в Повести временных лет (*далее* – ПВЛ), где не только имеется иная хронология о принятии христианства Владимиром (988), но и в качестве непосредственного места крещения князя назван именно Корсунъ.

4. *Корсунская легенда в ПВЛ.*

[Текст iv]

И минувшу лѣту, в лѣто 6496, иде Володимеръ с вои на Корсунъ, град грѣчкый, и затворишася корсуняни въ градѣ [...] Крести же ся въ церкви святое Софьи, и есть церкви та стояще в Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреде града, идеже торгъ дѣють корсунянь; полата Володимѣря воскрай церкви стоить и до сего дни, а цесарицина полата за ольгаремъ. По крещении же приведе цесарицу на обручение. Се же не свѣдуще право, глаголють, яко крестился есть в Киевѣ, инии же рѣша – в Василевѣ, друзии же рѣша инако сказующе.⁸

Первичность свидетельства ДЖ по отношению к ПВЛ была убедительно аргументирована А.А. Шахматовым (1864-1920) в фундаментальных, поныне непревзойденных, исследованиях, посвященных древнейшему восточнославянскому летописанию.⁹ Согласно его выводам, восточнославянское сказание об обращении киевского правителя в греческую веру в византийском Херсонесе – чисто легендарное преда-

8 *Ипатьевская летопись* 1998, 94-8.

9 О значении методике Шахматова см.: Алешковский 2015, 202-18.

ние.¹⁰ Ученый также уделил особое внимание изучению данной темы в своей посмертно изданной монографии, касающейся текстологического исследования древнерусских литературных источников XI-XVI вв., содержащих жития князя Владимира.¹¹ В этом труде выделяются две редакции ДЖ, вторая из которых рассматривается как сокращенный вариант первой, сделанный по её недошедшему и более исправному списку; кроме того, в нём дается критическое издание памятника по обоим типам источников.¹²

По мнению Шахматова, ДЖ было создано в глубокой древности, во всяком случае до появления ПВЛ и даже до Начального свода, т.е. в XI в.¹³ Такое заключение в целом совпадает с выводами, высказанными в разное время другими учеными;¹⁴ тем не менее, оно отличается от мнения А.И. Соболевского (1857-1929), согласно которому ДЖ нужно отнести к XII-XIII вв. по причине явного стремления оправдать канонизацию Владимира и уничтожить сомнения в его святости¹⁵ (см. слова в тексте «...Не дивимся, възлюбленѣи, аще чюдесь не творить по смерти, мнози бо святии праведнѣи не створиша чюдесь, но святи суть»)¹⁶.

В этой связи следует отметить, что в качестве главного аргумента в пользу ранней датировки ДЖ приводится в основном наличие архаичных по своему информационному содержанию вышеупомянутых летописных записей. С текстологической точки зрения, их изначальная принадлежность к житию вызывает сомнение, так как они могли быть заимствованы составителем агиографического сказания из более древнего источника.¹⁷ На этот факт указывает, в частности, текстологическая нестабильность в расположении летописных статей внутри произведения: в списках, где ДЖ включен в ППВ, они читаются в конце компиляции, т.е. лишь после так называемой 'Молитвы князя Владимира'.¹⁸

10 Шахматов 1906 и 2001, 18-28.

11 Этот труд был недавно опубликован благодаря усилиям Н.И. Милютенко: Шахматов 2014, 9-96.

12 Шахматов 2014, 171-94. См. также: Шахматов 1906, 17.

13 Шахматов 1906, 24; 2001, 28 и 2014, 175.

14 Например, см.: Срезневский 1853; Никольский 1906; Бугославский 1925; Зимин 1963.

15 Соболевский 1888 и 1890.

16 Шахматов 2014, 179. О проблеме определения времени канонизации Владимира см. теперь: Успенский 2004, 69-121; Поппэ 2008, 40-107.

17 См.: Соболевский 1888, 1-2; Шахматов 1906, 22-3 и 2001, 25.

18 Шахматов дает следующее объяснение этому факту. Он допускает первоначальное существование двух видов ППВ. Один из них, более древний, должен был включать

Рассмотрение научной литературы, посвященной ДЖ, показывает, что комплексное лингвистическое изучение памятника до сих пор не проводилось. С одной стороны, мы видим, что степень языковой однородности этого сочинения с другими оригинальными произведениями древнерусской письменности домонгольского периода пока не стала предметом подробного исследования. С другой – составное происхождение ДЖ, которое состоит из разных частей и пластов текста, явно наложенных друг на друга, и которое дошло до нас в виде сегмента (субтекста) более обширной компиляции, известной как ППВ, неизбежно заставляет задуматься о его внутренней лингвистической гомогенности. Иными словами, еще предстоит выяснить как соотносятся между собой различные его разделы с языковой точки зрения. Если текстология и значение ДЖ для истории и литературы Древней Руси хорошо освещены в основном благодаря трудам Шахматова, то трактовка его грамматических свойств выглядит фактически неразвернутой.

Как нам кажется, проведение подобных систематических разысканий позволит поставить на более прочную основу проблему происхождения текста и, следовательно, пролить также свет на возникновение разных тематических блоков, в нём представленных. Далеко не претендуя на исчерпывающий ответ на этот вопрос, в данной статье предлагаем лишь краткие предварительные заметки, посвященные рассмотрению отдельных языковых особенностей в рамках тех ключевых сегментов ДЖ, в которых читаются корсунские мотивы и приводятся летописные сведения. Разумеется, всесторонний лингвистический анализ источника является делом будущего.

В своем текстологическом исследовании Шахматов указывает на очевидную непоследовательность содержания ДЖ, которая проявляется не только в многочисленных повторах, но и в особом изложении событий Владимирово княжения. В повествовании сначала дается информация о фактах, произошедших после крещения, а лишь потом о тех, которые имели место до него. Более того, ключевой момент в биографии Киевского правителя – его обращение в христианство перенесён в конец текста. Все это дает основание предполагать, что дошедшая до нас версия произведения – результат позднейшей переработки.¹⁹

Для нас интересным является вопрос о том, к какому выводу пришёл исследователь по поводу первого агиографического пассажа, касаю-

в себя летописные заметки, а другой должен был содержать заимствования из житийной литературы. Позднее, эти два типа были, видимо, слиты в одно целое, что и спровоцировало перенесение летописной части в конец нового сводного памятника. См.: Шахматов 2001, 23-4. О времени возникновения летописного источника, использованного автором ДЖ см.: Цыб 1995.

19 Шахматов 2014, 171-3.

щегося причин военного похода русских на византийский Херсонес [Текст i]. По его предположению, данный эпизод – вставка, искусственно нарушающая общий ход житийного рассказа. Если удалить её вместе с предшествующим сообщением о победах над Радимичами и другими племенами, то имеется возможность, согласно ученому, восстановить оригинальную последовательность текста, при условии совершения целого ряда перестановок в последующих разделах ДЖ и удаления из них некоторых отрывков.²⁰

Данное текстологическое решение логично, хотя подразумевает серьезное редакционное вмешательство в текст, от которого, однако, сам Шахматов в итоге отказался: в его издании все стоит на своих местах без каких-либо изменений.²¹ Более того, существует ряд других дублетов в первой части ДЖ (см., например, повторяющийся мотив уподобления Владимира Константину Великому), которые не поддаются устранению путем перестановок. Все это показывает, насколько трудным является восстановление первоначального облика произведения, контуры которого выглядят ещё весьма неопределенными.

Время появления предполагаемой интерполяции [Текст i] остается неизвестным. Если Шахматов уверенно отнёс ДЖ ко времени до появления ПВЛ и Начального свода, то он не ставил перед собой цели выяснения конкретной эпохи проникновения курсунских мотивов в данное сочинение. Он лишь отметил, что вставка, по-видимому, появилась под влиянием распространенного предания о крещении Владимира в Корсуни (ПВЛ и другие житийные тексты).²² При этом, неясным остается вопрос о том, могло ли это произойти в глубокой древности или позднее, когда, по предположению большинства специалистов, возникла окончательная редакция памятника, ныне читаемая в составе ППВ (XIII-XIV в.).²³

По нашему мнению, если проанализировать те части ДЖ, где читаются предполагаемая курсунская вставка и летописные записки, с точки зрения грамматических свойств, то существует возможность сделать ряд наблюдений, которые могут пролить некоторый свет на эту проблему.

---

20 Шахматов 2014, 173-5. Реконструированный текст летописных заметок см.: Шахматов 2001, 24.

21 Шахматов 2014, 181-4.

22 Шахматов 2001, 23.

23 Соболевский датирует ППВ XIII в. (Соболевский 1890, 794). Согласно Никольскому, памятник относится к XII-XIV вв. (Никольский 1906). По мнению Серебрянского, появление окончательной редакции нужно отнести ко времени не позднее XIV в. (Серебрянский 1915). Бугославский считает, что компилятор объединил все памятники в XIII в. по случаю канонизации Владимира (Бугославский 1925, 141).

Первые из предлагаемых нами заметок посвящены летописным сведениям [Текст iii]. В них прежде всего констатируем отсутствие беспредложного локатива, которое, напротив, широко употребляется в памятниках деловой письменности, в летописях и в ряде ранних памятников художественной литературы.²⁴ Несмотря на это, отсутствие этой конструкции в ДЖ не может быть приведено в качестве аргумента о его позднем происхождении. В действительности, нельзя исключить, что предлоги были добавлены поздним редактором:²⁵ следовательно, подобное явление первоначально могло встречаться в тексте.²⁶

Несомненным показателем древнего происхождения летописной части ДЖ является использование архаичного (старославянского) окончания *-ы(и)* для именительного падежа единственного числа действительного причастия настоящего времени (см. Текст iii: *идыи*). Подобные формы встречаются в древнейших восточнославянских агиографических текстах, таких как *Житие Феодосия Печерского* XI в.; в летописях, однако, с ними конкурируют типичные для восточнославянского ареала образования на *-а [a]*.²⁷ Со своей стороны, данная флексия, начиная с XIII в., вытесняется окончаниями на *-а [a]*.²⁸

Важной особенностью употребления причастия *идыи* в ДЖ является то, что оно читается в рамках широко применяемой в летописном жанре синтаксической конструкции. Речь идет об именительном самостоятельном – особом виде причастного оборота, имеющего глубокие корни в старославянском языке, который отличается тем, что его субъект (Текст iii: *Олезь*) не совпадает с субъектом главного предложения (Текст iii: *мостъ*).²⁹ Более того, особого внимания здесь заслуживает и препозиция энклитики *ся* в косвенной речи в клаузе с аористом (Текст iii: *ся обломи*). Коэффициент подобных примеров в ПВЛ, как и во многих обследованных памятниках, ниже, чем при сказуемом в других личных формах или инфинитиве: в восточнославянских текстах данное явление нужно связывать с фактором книжности.³⁰

24 См.: Топоров 1961, 9-30. При этом нужно отметить, что в пределах одной Корсунской легенды в составе ПВЛ [см. выше: Текст iv] примеров такой конструкции не имеется.

25 Списки XV-XVII вв. сохраняют, как правило, предложный локатив, так как писцы вставляли предлог в бывшие беспредложные конструкции. См.: Топоров 1961, 12.

26 Неслучайно оно присутствует в реконструкции первоначального облика текста в: Шахматов 2001, 24.

27 В Галицко-Волынской летописи XIII в. встречаются оба окончания (формы на *-ы* преобладают в Галицкой части). См.: Ворт 2006, 258-9.

28 Иванов 1983, 361.

29 Живов 2017, 417-26.

30 Зализняк 2008, 178-9.

Перейдём теперь к рассмотрению пассажа, который, по мнению Шахматова, является вставкой [Текст i]. В данном разделе произведения, где корсунские мотивы даются в чисто агиографическом ключе, можно обнаружить лингвистические особенности, типичные для древнерусских памятников XI-XIII вв.

В первую очередь, здесь нужно обратить внимание на систематическое употребление двойственного числа (Текст i: *бъаста ~ даста ~ присласта ~ даста*), которое также находим в Корсунской легенде ПВЛ (см., например, «...И се слышавша цесаря и рада быста, и умолиста сестру свою, именовъ Анну, и посласта к Володимеру [...] И послушаста цесаря и посласта сестру свою»).

Другим важным показателем относительной архаичности является употребление сослагательного наклонения с частицей *да* в целевых и косвенно-побудительных клаузах. Данная конструкция свойственна восточнославянским литературным текстам и летописям домонгольского периода (правда, за исключением ПВЛ, где преобладают формы с индикативом).³¹ Здесь она оформляется с препозицией энклитики *ся*, опять в пределах косвенной речи (Текст i: *да ся бы направиль*).³²

В-третьих, в этой части ДЖ отмечаем исключительное использование простых претеритов (аорист и имперфект), которые, как известно, рано утратились в древнерусском языке.³³

Вышесказанное дает основание сформулировать следующие замечания. Анализ летописных сведений [Текст iii] позволяет сделать заключение, что данную часть ДЖ, не только по своему содержанию, восходящему, как давно уже доказано, к древнейшим несохранившимся источникам,³⁴ но и по своим языковым свойствам, можно датировать второй половиной XI или по крайней мере началом XII вв.

К аналогичным выводам можно прийти относительно предполагаемой интерполяции, выделенной Шахматовым [Текст i]. Как удалось выяснить, грамматические особенности в принципе не препятствуют её датировке XI или XII вв. Этот раздел жития лингвистически обнаруживает определенную степень сходства как с текстом Корсунской легенды в составе ПВЛ [Текст iv], так и с другими литературными памятниками домонгольского периода.

Последнее наблюдение имеет важное последствие для оценки происхождения данного пассажа. В действительности, отпадает необхо-

---

31 Пичхадзе 2001, 331-5.

32 Зализняк 2008, 33-5, 187-9.

33 Пичхадзе 2001, 328.

34 См.: Соболевский 1888,1-2; Шахматов 1906, 22-3 и 2001, 25. ДЖ рассматривается как возможный источник ПВЛ в.: Михеев С.М. 2011, 56-7.

димось постулировать заимствование сюжета как от ПВЛ, так и от других житийных источников, где засвидетельствована Корсунская легенда (Пролог). Напротив, существенно подкрепляется предположение о том, что этот нарративный блок восходит к какому-то параллельному преданию, который был сходен, но не тождествен тому, что использовал летописец. Неслучайно, в ДЖ корсунский мотив представлен совсем в ином свете, чем в ПВЛ:³⁵ Владимир уже крещен, а захват греческого города и добывание невесты-царевны приобретают символический смысл дальнейшего укрепления веры правителя и его народа. Следовательно, нельзя исключить, что мы имеем дело не с тематической интерференцией ПВЛ, подтолкнувшей позднего редактора ДЖ к внесению вставки, но с альтернативным, независимым от летописи, рассказом, восходящим к иной традиции XI-XII вв. На это, как кажется, указывают как особая версия о взятии византийского Херсонеса без самого акта крещения, так и лингвистическая однородность с произведениями, созданными в раннюю эпоху восточнославянской письменности.

Предложенные в настоящей работе заметки представляют собой лишь первую попытку изучения языка ДЖ. Несмотря на предварительный характер этих изысканий, существует возможность подкрепить новыми данными известную гипотезу Шахматова о том, что это сочинение было создано в глубокой древности.³⁶ Вместе с тем, становится очевидным, насколько важным является вопрос об изучении грамматических особенностей памятников древнерусской литературы: подобное направление весьма перспективно и, безусловно, заслуживает самого пристального внимания со стороны исследователей агиографического наследия Древней Руси.

Библиография

- Алешковский, М.Х. (2015). *Повесть временных лет. Из истории создания и редакционной переработки*. Отв. ред. Ф.Б. Успенский. Москва: Издательство «Весь Мир».
- Бугославский, С.А. (1925). «К литературной истории Памяти и похвалы князю Владимиру». *Известия отделения русского языка и словесности Академии наук*, т. 29, 105-59.
- Ворт, Д. (2006). *Очерки по русской филологии*. Перевод с английского К.К. Богатырева. Москва: Индрик.

35 См. важные наблюдения на этот счет: Голдблатт 2002, 171-4.

36 Шахматов 1906, 24; 2001, 28 и 2014, 175.

- Голдблатт, Х. (2002). «La *Leggenda di Cherson* e l'immagine agiografica del principe Vladimir Svjatoslavič». *Russica Romana*, 9, 165-74.
- Живов, В.М. (2017). *История языка русской письменности в 2 т.* Том 1. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке.
- Зализняк, А.А. (2008). *Древнерусские энклитики*. Москва: Языки славянских культур.
- Зимин, А.А. (1963). «Память и похвала Иакова Мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку». *Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР*, № 37, *Русско-польские революционные связи*, 66-75.
- Карпов, А.И. (2009). «Иаков мних». *Православная энциклопедия*. Т. 20. Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Москва: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 543-5.
- Иванов, В.В. (1983). *Историческая грамматика русского языка*. Москва: Просвещение.
- Ипатьевская летопись* (1998). Москва: Языки русской культуры.
- Макарий, митрополит (1849). «Три памятника русской духовной литературы XI в.». *Христианское чтение*, ч. 2, 302-36, 367-9.
- Макарий, митрополит (1868). *История Русской церкви*. Изд. 2-е. Т. 1. Санкт-Петербург: Тип. Бокрама, 255-63.
- Милютенко, Н.И. (1997). «Память и похвала». *Библиотека литературы Древней Руси в XV т.*, Т.1. Санкт-Петербург: «Наука», 316-327, 524-7.
- Милютенко, Н.И. (2008). *Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники*. Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко.
- Михеев, С.М. (2011). *Кто писал «Повесть временных лет?»*. Москва: Индрик.
- Никольский, Н.К. (1906). *Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X-XI вв.)*. Санкт-Петербург: Отд. рус. яз. и словесности Имп. АН.
- Пичхадзе, А.А. (2011). *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*. Москва: Рукописные памятники Древней Руси.
- Поппэ, А. (2008). «Владимир святой: у истоков церковного прославления». *Факты и знаки: исследования по семиотике истории*, вып. 1. Под редакцией Б.А. Успенского и Ф.Б. Успенского. Москва: Языки славянских культур, 40-107.
- Роменский А.А. (2017). *Империя ромеев и «тавроскифы»*. *Очерки русско-византийских отношений последней четверти X в.* Харьков: Майдан. (*Byzantina Ukrainensia*, Том 5).
- Серебрянский, Н.И. (1915). *Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты)*. Москва: Общество истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1915, 32-6, 43-51; Тексты, 12-13.

- Соболевский, А.И. (1888). «Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру Святому». *Чтения в историческом обществе Нестора-летописца*, кн. 2, отд. 2. Киев, 7-12, 17-30.
- Соболевский, А.И. (1890). «Память и похвала св. Владимиру и Сказание о святых Борисе и Глебе». *Христианское чтение*, 5/6, 791-804.
- Срезневский, И.И. (1853). «Древние жизнеописания русских князей X-XI в.». *Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук*, т. 2, вып. 4. Санкт-Петербург, 113-130.
- Срезневский, В.И. (1893). «Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. в копии начала XIV в.». *Записки императорской Академии наук*, т. 72, Приложение № 5, 17-31.
- Срезневский, В.И. (1897). «Память и похвала князю Владимиру и его житие по списку 1494 г.». *Записки императорской Академии наук*, сер. 8, т. 1, № 6, 2-8.
- Топоров, В.И. (1961). *Локатив в славянских языках*. Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Успенский, Б.А. (2004). «Когда был канонизирован князь Владимир Святославич?». Он же. *Историко-филологические очерки*. Москва: Языки славянской культуры, 69-121.
- Цыб, С.В. (1995.) «О летописном источнике “Памяти и похвалы” князю Владимиру». *Россия в X-XVII вв.: Проблемы истории и источниковедения: Тез. докл. и сообщ. 2-х чтений, посвящ. памяти А.А. Зимина*. Ч. 2. Москва, 640-4.
- Шахматов, А.А. (1906). «Корсунская легенда о крещении Владимира». *Сборник статей в честь В.И. Ламанского*. Санкт-Петербург, 1-125.
- Шахматов, А.А. (2001). *Разыскания о русских летописях*. Москва: Академический Проект; Жуковский: Кучково поле.
- Шахматов, А.А. (2014). *Жития князя Владимира. Текстологическое исследование древнерусских источников XI-XVI вв.* Подготовка текста Н.И. Милютенко. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

